

Есть исполнители интересные. Есть талантливые. Есть звезды эстрады. И еще есть Елена Камбурова.

*Если рубанком
собрать со ствола кожу,
распилить его, высушить,
а потом покрасить,
то может подняться
матча океанского корабля
или могут родиться
красная скрипка,
копье, крыша или белая
палуба...*

*Я не хочу,
чтобы с меня сдирали кожу.
Я не хочу,
чтобы меня красили,
сушили, белили.*

*Нет!
Я этого не хочу!
Не потому,
что я лучше других
деревьев,*

*нет,
я этого не говорю.
Просто,
просто,
просто я другое дерево,
я другое дерево.*

— Как вы пришли в эту профессию?

— Актер — это не профессия, это судьба.

Ее родители не работали в искусстве. Но вот два самых ярких воспоминания детства. Первое: тревожат и влекут сочные, кричащие, нереальные цвета сцены — их так любил провинциальный театр ее городка. Второе: ярко освещенная прожекторами, выступает приезжая танцовщица и растворяется, растворяется в музыке....

Самый последний ее шанс уйти от судьбы был самым верным: Киевский институт легкой промышленности сулил мало тревог.

Бросила. И — скорее в Москву! Перед самым отъездом заболела, но менять решения она не привыкла. Поехала. Ночь на вокзале, а утром — кабинет директора Шукшинского училища. Вся в жару, с гудящей головой, она читает, читает....

И сразу несколько конкурсных ступенек позади! (В то утро она поняла, что воля человеческая может все). Но еще и много дней впереди, до главного экзамена....

Не выдержала, перегорела. «Уже не было чем поступать», — говорит она теперь.

Год на стройке, должность — разнорабочая. Репетиции, репетиции, репетиции. И вера в себя.

— Вы находите в себе так много недостатков — есть ли хоть одно качество, которым вы сами довольны?

— Нет.... Мне это просто не по силам, быть довольной собой.

Ее первые репетиции прошли еще там, в детстве. Как, впрочем, и первый концерт. Репетиции представляли собой невероятное смешение жанров, потому что она сама еще толком не знала, чего ей хочется, но вместе с тем остро ощущала желание чему-то научиться. А первый ее концерт был отчаянным шагом: она всегда относилась к той половине детей, что прячется за спины других, как только речь заходит о публичном выступлении.

А тут решилась. Десятый класс, школьный вечер. Сейчас она легкой походкой выбежит из зала, грациозно закружится по сцене, запоет... В проходе она несколько раз споткнулась, танцевальные па получились

нелепыми, а голос и вовсе пропал, как только она зашевелила губами. Прямо со сцены она выбежала в морозную темень, и слезы стали медленно замерзать на ее ресницах.

— Как вы относитесь к славе?

— Она, как воздух, нужна тому, что я делаю. Но если зритель идет на «имя», он не будет думать.

— Может ли слава быть целью творчества?

— Нет. Ты достигнешь ее и пропадеешь, потому что исчезнет твоя цель. Побеждает тот, кто бежит на длинные дистанции.

Оказывается, все получается не просто даже у тех людей, у которых в жизни все получает-

рода — там, где ее знают и любят. Но и сегодня она сознается: «Когда я выхожу на сцену и встречаю полное понимание, я даже теряюсь: ведь я пришла спорить, а спорить-то как раз и не с кем». Но и сегодня миллионный Минск приглашает ее лишь на два концерта, да и то совмещенные в один вечер — даже без ее ведома и согласия.

У мира все-таки есть опора. Мир держится на донкихотах!

— Вы любите сказки?

— Они помогают. Я придумала себе сказку: все, что я пою, написано специально для меня. Когда я выхожу на сцену, а в зале не мой зритель, который не слушает меня и не желает понимать, я

певица, — но зато сумма воспринятого ими будет несравнимо больше, чем воздействие любой легкой песни, при любом ее тираже. Дать человеку импульс добра, высечь в его душе искру неравнодушия — вот единственно достойные цели. Я прекрасно понимаю, что один концерт — это слишком мало, чтобы «зритель из третьего ряда» преобразился. Но, быть может, он все-таки ушел из зала, глядя на мир хоть чуть-чуть иначе?.. Во всяком случае, если человеку дан талант, он больше, чем кто-либо, обязан отдать всю свою жизнь служе-

когда-то существовало красивое и торжественное слово «песнь», означавшее размышление о сути вещей, разговор поколения с поколением, но сейчас это слово умерло. Она считала эстрадную песню на порядок мельче художественного чтения.

И было так, пока не случилось ей встретиться с песнями на стихи Новеллы Матвеевой. После этой встречи Камбурова стала певицей.

Но певицей, в основе творчества которой — поэзия только высшей пробы. А такая поэзия требовательна к музыке, такая поэзия попросту отторгает универсальные аккорды. Она ведет и уже привела Камбурову к музыке симфонической: готова программа, основанная на творчестве Ахматовой и Прокофьева, Владимиром Дашкевичем озвучена блоковская поэма «Двенадцать», впереди — Шуберт, Мусоргский. Наконец, впереди (ее мечта!) создание песенного театра с целым репертуаром спектаклей-песен.

Но что позволяет Камбуровой по-прежнему оставаться эстрадной певицей, по-прежнему сохранять присущий этому «званию» демократизм? То бесстрашие, с которым она вовлекает в орбиту своего творчества не только высшие, наиболее яркие и показательные моменты человеческого бытия, но и самые обычные мелочи, которых мы порой просто не замечаем. И эти мелочи превращаются силой ее таланта в явления искусства.

Вот мальчик решает школьную задачку, вот женщина несет новгородную елку, и «елочкино тело» вздрагивает на худеньком ее плече — попробуй, заметь такое! А в песнях, исполняемых Камбуровой, подобные незначительные штрихи не просто замечены — они превратились в сплавленное из поэзии и философии размышление о человеке. Именно в этой глубине и человечности — обаяние ее творчества.

— Что значит «предать себя»?

— Это, например, вставить в свою программу — пуская только однажды — две шлягерные песни, за которые тебе потом очень-очень стыдно. И дай бог, если зрителю.

Все-таки самое трудное — это быть первым, быть не похожим на других. Но и самое большее счастье неотделимо, наверно, от этой трудности: счастье после долгого и нелегкого пути ощутить необходимость своего творчества и жадное внимание к нему со стороны единомышленников, счастье увидеть, что по проторенной тобой дороге идут другие, счастье оставаться верной лучшим традициям искусства.

Этим летом должна выйти вторая пластинка Елены Камбуровой. Если вы купите ее, говорите друзьям так: «Сегодня мне повезло...».

— Как будет называться программа, над которой вы сейчас работаете?

— «Время бесстрашных художников».

Время бесстрашных художников началось тогда, когда родился первый наскальный рисунок. Оно окончится тогда, когда умрет последний человек. Бесстрашие таланта необходимо нам, пока мы живы. Сейчас и всегда.

А. АНДРЕЕВ.

Фото А. ДМИТРИЕВА.

«ПРОСТО Я ДРУГОЕ ДЕРЕВО»

Штрихи
к портрету
драматической
певицы

Елены
Камбуровой

ся. Оказывается, между кулисами и сценой (в любом зале!) стоит высокий невидимый глазу барьер, и надо себя долго настраивать, а после понукать, чтобы преодолеть его, — даже если за плечами тысячи таких же сцен....

— Зачем вы выходите на сцену?

— Чтобы спорить.

— В чем вы видите смысл своей работы?

— Сделать мир чуточку лучше.

В то, что мир держится на трех китах, мы не верим. Давно уже не верим.

Но на чем-то же он держится?!

— Ваши заветные желания?

— Встретиться с Жаном Брелем. Этот человек мне ближе всех в искусстве — и своим отношением к миру, и своим творчеством, и тем неистовством, с которым он живет и работает.

Еще — иметь дома целый зоопарк. Но без клеток....

Еще — каждый день начинать жизнь заново.

Она выходит на сцену много — столько, сколько раз ей дают эту сцену и сколько у нее хватает сил. Она восходит на сцену: часто — как к барьеру, редко — как на пьедестал, всегда — спорить, никогда — развлекать.

Десять лет непрерывного стажа... Мы скажем иначе: десять лет борьбы.

Вначале зритель ее не понимал и не принимал. Он шел на концерт веселиться, он привык, что его развлекают, а она заставляла переживать и мыслить.

Сейчас она может сказать, что у нее есть даже «свои» го-

придумываю и его.

Десять лет выходить на сцену, всякий раз зная, что тебя встретит настроенность, и, встречая всякий раз эту настроенность и не всегда побеждая ее, — все равно петь. Десять лет ощущать сопротивление невидимых пружин и, не уставая, преодолевать его, — сколько недюжинного мужества нужно для этого!

Десять лет... Мир держится на донкихотах!

— Что вы уже успели сделать?

— Запастись и собрать в одном месте довольно много строительного материала. Само строительство здания еще впереди.

Даже жернова дней не смогли смолотить ее темперамент, ее страстность и хоть чуть-чуть скруглить ее характер. Камень на камень — только искры летят!

Друзья советуют ей: «Ну, почему бы не сделать тебе вторую программу — запасную. Если ты чувствуешь, что зритель не твой, так крути ее. И успех гарантирован наверняка, и тебя будут знать».

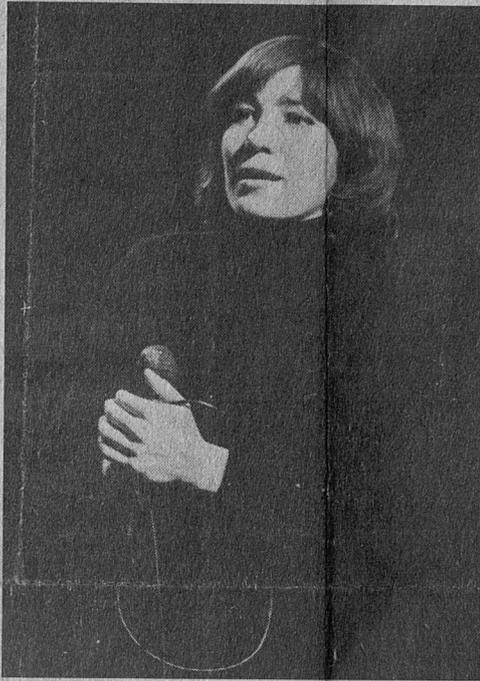
Мать спорит с ней: «Послушай, но ведь если ты будешь нравиться большому количеству людей, значит, ты будешь больше приносить добра!».

Нет, нет и еще раз нет, говорит она.

— Как вы строите свою программу?

— Всегда пыталась нанизывать ее на единый смысловой стержень, и всякий раз стержнем становилась сама жизнь человека: добро и зло, война и мир — все, что его окружает и волнует.

— Пусть меня будет знать меньше зрителей, — говорит

нию этим целям.

*...А я хочу тянуться в небо,
я хочу тянуться в небо,
я хочу тянуться в небо,
лучше других деревьев,
нет!
А просто,
просто я другое дерево,
я другое дерево,
другое дерево.*

Она выходит на сцену — вся в черном, строгая, сосредоточенная... Она берет микрофон... И время вдруг начинает течь в другом измерении. И начинается удивительный спектакль, в котором она одна играет тысячу ролей — тысячу наших с вами ролей.

...Оживает на сцене современная девочка — подвижная, чуть дерзкая, такая привычная, вывученная из толпы. И вдруг сразу, без перехода, Камбурова с такой скоростью и страстью рванется на высоту щемящей цветаевской интонации, что ветер вышибет у вас слезу, и комок подступит к горлу. А она снова резко «спикирует» вниз, превратится в коварную лису-обманщицу из «Буратино» — опять-таки такую «живую», реальную. И вновь вознесется на высоту — на этот раз к ранимой, незащищенной поэзии раннего Маяковского.

— Какие песни вашего репертуара вам особенно близки и дороги?

— Те, которые не хотел принимать ни один человек. Ведь песня — она живая. И если она встречала такое злое неприятие, я бросалась ее защищать, и от этого она становилась лучше.

Она мечтала стать актрисой — не певицей. Она знала, что